

Кузнец поднял большой палец в его сторону:

— Вот почему ты, братец, настоящий культурный человек! Именно так. Я обычно ломаю голову, не зная, как это выразить, болтаю без умолку, а ты, братец, одним простым предложением всё объяснил.

Его взгляд переключился на Се Жунцзяо, и он, широко улыбаясь, сказал:

— Эй! Этот братец выглядит так изящно и прекрасно, а меч на его поясе тоже великолепен, подходит ему. Братец, не обижайся, у меня нет других увлечений, кромековки, и, когда я вижу хорошие мечи, руки сами чешутся. Не скажешь, чьё это творение?

Студент Академии, ошеломлённый его потоком слов «братец», подумал, что меч Чжэньцзяншань, даже если он не вынимался из ножен две тысячи лет и никто не знает, насколько он действительно мощный, всё равно остаётся знаменитым мечом, занимающим ведущее место в списке божественного оружия. Как его можно сравнивать с кухонным ножом для нарезки овощей?

Однако кузнец был крайне дружелюбен, единственный в городке, кто пригласил их, узнав об их цели. Студенты Академии, будучи людьми, которые предпочитают мягкость жёсткости, не могли ничего возразить.

Се Жунцзяо, придерживая слегка дрожащий Чжэньцзяншань на поясе, спокойно сказал:

— Боюсь, что разочарую вас, господин. Этот меч был выкован две тысячи лет назад, его создали несколько выдающихся мастеров того времени, и все они уже покинули этот мир.

Он не назвал имён, не из-за холодного расчёта, что раз они уже ушли, то нет смысла говорить, а потому что Се Жунцзяо...

Тоже не помнил их.

В этот момент Цзян Цзинсин написал два иероглифа на его свободной ладони.

Первый был «большая колесница», а второй — «безвреден».

Се Жунцзяо понял, что перед ним явно не обычный кузнец, а человек, достигший этапа большой колесницы, и, возможно, действительно выдающийся мастер, пользующийся популярностью.

Что же касается того, почему человек уровня большой колесницы, известный в Девяти Областях, оказался здесь, он не собирался углубляться в это.

Кто сказал, что он не мог услышать о демоническом культиваторе и прийти сюда для расследования? Или просто найти место для уединения?

В любом случае, раз Цзян Цзинсин сказал, что он безвреден, Се Жунцзяо поверил ему, и это не вызывало беспокойства.

Кузнец, похоже, собирался заговорить с каждым в комнате, и после Се Жунцзяо естественным образом обратился к Цзян Цзинсину, стоявшему рядом, и с улыбкой сказал:

— Этот братец тоже выглядит изящно, это действительно украшает наш скромный дом. Таких красавцев, как вы, не то что в нашем городке, даже когда я путешествовал, редко встречал за

три года. Вы, должно быть, братья?

Студенты Академии переводили взгляды между их лицами, но не находили ни малейшего сходства, и им было непонятно, как кузнец пришёл к такому выводу.

Единственный, кто знал правду, кроме них двоих, Ректор, с трудом сдерживал смех. К счастью, он обладал глубоким терпением, выработанным годами общения с непослушными студентами, и сохранял достойный вид мудрого человека.

Се Жунцзяо, будучи человеком, который не поддаётся дурному влиянию, не перенял привычек Цзян Цзинсина и, не желая пользоваться его положением, собирался объяснить, что они не ровесники.

Но Цзян Цзинсин опередил его, без всякого стеснения улыбнувшись:

— Да, мы двоюродные братья. Я старше Ацы на три года, а Ацы похож на мою тётю, так что наше сходство вполне объяснимо.

Он совершенно не осознавал, что уже не молод и не находится в расцвете сил.

Прежде чем Се Жунцзяо успел разобраться, как Се Хуань отреагирует на это — будет ли он радоваться, что стал старше Цзян Цзинсина на одно поколение, или же стыдиться этого, — кузнец, прищурившись, сказал:

— Похожи! Действительно похожи!

Что происходит в этом городке Фулай? Едва нашёлся нормальный человек, да и тот, похоже, преждевременно состарился и ослеп.

Студенты Академии втайне решили, что по возвращении обязательно поговорят с Хэ Цюань и уговорят её не возвращаться в этот дырявый городок.

Ректор, чувствуя печаль, осознал, что студенты бесполезны, Святой ненадёжен, а городок и вовсе не лучшее место. Похоже, ему придётся в одиночку справляться с демоническим культиватором.

К счастью, Аси был рядом, что хоть немного утешало. Всё же лучше, чем быть одному.

Когда приблизилось время ужина, студенты Академии, понимая, что они гости и не хотят злоупотреблять гостеприимством, наперебой предлагали помочь кузнецу с приготовлением ужина.

К сожалению, они были избалованы ароматными закусочными в десяти ли от западных ворот города Буцзэ, и даже разжечь огонь для них было непростой задачей. Лу Бинфэнь, пытаясь разжечь огонь, покрылся сажей, и можно было подумать, что он мстит, а не искренне помогает.

Кузнец взял у него дрова и выгнал его из кухни:

— Братец, оставь это мне, не стесняйся. Если так пойдёт дальше, ты только мучаешь меня.

Лу Бинфэнь смущённо улыбнулся:

— Впервые разжигаю огонь, извините за беспокойство.

Кузнец махнул рукой, показывая, что всё в порядке, и, добавив дров, посмотрел на него:

— Эй, братец, у тебя крепкая одежда. Если бы это был более нежный материал, он бы уже сгорел, а твой выглядит как новый.

Лу Бинфэнь улыбнулся:

— Это подарок от старших. Узнав, что я поступил в Академию Буцзэ, они специально заказали для меня мантию, которая не боится огня и воды.

Для обычных людей это звучит как чудо, но для культиваторов это обычное дело, просто требует немного больше серебра.

Се Жунцзяо, понимая, что ему нечем помочь, а только помешать, вышел на улицу подышать свежим воздухом, так как в доме было тесно и душно.

Во дворе была и Хэ Цюань.

Кто бы ни узнал, что его родители угрожают разорвать с ним отношения, не сможет легко общаться с однокурсниками, и она вышла, чтобы подышать воздухом и немного успокоиться.

Се Жунцзяо немного заколебался, но подошёл к ней и несколько неожиданно спросил:

— Госпожа Хэ, вы сожалеете?

Он не был человеком, который легко располагает к себе.

Его внешность была слишком яркой, а характер — холодным, что, хотя и производило впечатление, одновременно делало его труднодоступным. Он не был тем, кто говорит с улыбкой и легко находит общий язык, напротив, его прямолинейность иногда могла сбить с толку.

Но когда он действительно говорил, его искренность и прямота вызывали уважение, и его было невозможно не любить.

Он был таким, каким и должен был быть.

Луна высока, чтобы быть чистой, а вода прозрачна, чтобы быть ясной.

Он не уточнил, о чём именно речь, но Хэ Цюань поняла:

— Нет.

Се Жунцзяо спросил снова:

— Считаете ли вы, что поступили неправильно?

Хэ Цюань на мгновение задумалась, а затем серьёзно ответила:

— Нет.

Она столкнулась с холодным взглядом тех, кто растил её, её кровные родственники заявили, что больше не признают её своей дочерью. Казалось бы, это сложно назвать правильным.

Но у неё также были однокурсники, которые пришли ей на помощь, несмотря на свою гордость, терпя несправедливость ради борьбы с демоническим культиватором; был кузнец, который с рыцарским духом открыл им свои двери; и были обычные женщины, которые шептались за их спинами, говоря, что они поступили неправильно.

Она не хотела идти против своих старших, но, делая то, что должна была делать, она оказалась на противоположной стороне.

Впервые девушка почувствовала, что шум из дома звучит так далеко, будто доносится с небес или из-за моря.

Туда, куда она не могла дотянуться.

Се Жунцзяо не стал её утешать, а продолжил спрашивать:

— Если бы вы не сделали этого, сожалели бы?

Хэ Цюань на этот раз ответила без колебаний:

— Да.

— Считали бы, что поступили неправильно?

— Да.

— Тогда не о чем говорить, — Се Жунцзяо посмотрел на неё. — Неправы ваши родители и земляки, а не вы. Они обидели чужаков, они предали ваши ожидания. Они предали вас, а не вы их. Вы не поступили неправильно, вы остались верны им и себе, и у вас нет сожалений. Это лучший результат.

Его речь была ритмичной, его манера спокойной, тон ровным, неспешным, как игра мастера на древней цитре, но его слова, как раскаты грома, раздавались в ушах девушки!

Цепи, которые родители и земляки наложили на неё, горы, которые казались непреодолимыми, превратились в прах под этими раскатами, образовав новую ровную почву.

Озарение.

Девушка поклонилась Се Жунцзяо до земли. Она была не из тех, кто легко выражает свои чувства словами, и, возможно, её жест лучше передал её благодарность.

Се Жунцзяо сказал:

— Не стоит благодарности. Вы должны поблагодарить его.

Он, казалось, вспомнил что-то, и в его глазах и на губах появилась мягкая улыбка, подобная восходу солнца, разгоняющему тучи, ослепительная и трогательная:

— Я был таким же, как вы. Если бы он не научил меня, я бы не знал этого.

Девушка не стала расспрашивать, а Се Жунцзяо не стал объяснять.

Се Жунцзяо принял её поклон и, неожиданно для себя, добавил:

— Позвольте спросить, госпожа Хэ, вы скоро закончите Академию. Что вы планируете делать после?

<http://bllate.org/book/16198/1453512>